

Был полдень, когда Гермиона наконец-то проснулась, разбуженная громким скулежом, эхом разносящимся вокруг нее. Ее взгляд сразу же упал на Гарри, который все еще был надежно привязан к кровати множеством зачарованных веревок. Он не спал и пристально смотрел на нее, мыча что-то очень непристойное. Только тогда Гермиона смутно припомнила, что ночью была разбужена непрерывным потоком злобной непристойной брани, когда Гарри оправился от ошеломляющего заклинания Снейпа. Сквозь сон Гермиона наложила на Гарри заглушающее заклинание и тут же снова уснула.

Только убедившись, что он все еще крепко связан, Гермиона заметила на полу рядом с его кроватью кучу грязных серых тряпок. Она совсем не удивилась, поняв, что груды этих тряпок принадлежала Котоне, которая спала на полу возле кровати Гарри. Маленькая ведьма лежала на боку, свернувшись клубочком, спиной к Гермионе; ее ноги и хвост слегка подергивались, когда она хныкала во сне, очевидно, расстроенная своими видениями. Гермиона увидела, что трансфигурация одежды уже спала, ведь Котоне снова была в грязной изношенной ночной рубашке, в которой Гарри вынес ее из приюта двумя днями ранее.

Гермиона устало спустила ноги с кровати и медленно села. Она слегка покачнулась, но выпрямилась, все еще чувствуя усталость после вчерашних событий. Она подняла палочку и направила ее на Котоне, но затем опустила. Заглушающее заклинание, которое она наложила на Гарри, было достаточно простым, но Гермиона не была уверена, что у нее хватит сил для достойного заклинания трансфигурации. Она понимала, что совсем не хочет увидеть голого полудемона сразу после своего пробуждения.

Гермиона встала с кровати и подошла к Гарри, грустно глядя на него сверху вниз. Несмотря на то, что она знала, что больше не любит его, она по-прежнему трепетно заботилась о нем, и ей было больно видеть взгляды, полные ненависти, которые Гарри бросал на нее... Она нервно закусила нижнюю губу, а затем вздрогнула от боли: ее зубы коснулись ранки, оставшейся после обезоруживающего заклинания, которым Гарри ударил ее несколькими часами ранее. Она поднесла пальцы ко рту и осторожно ощупала опухшую губу, чтобы понять, насколько сильно она рассечена, и заметила улыбку, расползшуюся по лицу Гарри.

У Гермионы перехватило дыхание, и она отвернулась от него, не желая видеть удовольствие, которое ему доставляла ее боль. Она наклонилась, осторожно подняла с пола беспокойно спящую Котоне и бережно положила ее на кровать, с которой она только что встала. Маленькая ведьма беспокойно заскулила, несколько раз дрыгнула ногой и зарылась в одеяло. Искоса бросив последний взгляд на Гарри, Гермиона повернулась и вышла из комнаты, ища ближайшую ванную комнату, чтобы принять столь необходимый сейчас душ.

После продолжительного горячего душа она вышла обратно в коридор и увидела на полу сундук Котоне, который все еще был открыт, а вокруг были разбросаны ее мантии и прочие личные вещи. Она начала собирать их и когда взяла одну из свернутых мантий, то почувствовала, что в нее завернуто что-то твердое. Гермиона осторожно развернула ткань и увидела белую фарфоровую маску, которую она видела на Котоне в больнице Святого Мунго. Гермиона завернула ее обратно в мантию и положила в сундук.

Затем она подняла с пола потрепанного коричневого плюшевого мишку. Она взглянула на его улыбающуюся мордочку и принялась счищать мусор и пыль, прилипшие к его грязной шерсти.

Пока Гермиона чистила игрушку, она вспомнила, как Гарри улыбался во сне, обнимая большого коричневого плюшевого медведя, когда она застала его спящим в кладовке в доме на Тисовой улице. Гермиона понимающе улыбнулась, догадываясь, что, скорее всего, именно она сама была причиной того чудесного сна.

Улыбка исчезла с ее лица так же быстро, как и появилась, когда ее взгляд упал на закрытую дверь, за которой теперь был заперт Гарри. Вздыхнув, Гермиона повернулась, чтобы убрать мишку в сундук Котоне, но внезапно в испуге отбросила его в сторону и отступила на шаг; она увидела, что мордочка медведя теперь грустно нахмурилась, и на ней уже нет той радостной улыбки, которая была еще всего мгновение назад.

Она смотрела на неподвижную игрушку в течение нескольких долгих мгновений, прежде чем быстро подняла ее с пола и быстро бросила в сундук. Она снова взглянула на его мордочку — на ней читался все тот же грустный и хмурый взгляд. Она нервно засмеялась и предположила, что ей померещилась улыбка, которую она уже видела раньше, и продолжила собирать вещи Котоне.

Когда Гермиона закончила собирать остальные вещи, ей в голову пришла одна мысль... Она полезла обратно в сундук, вытащила маску из сложенной мантии и понесла ее на второй этаж, оставив на читальном столе в библиотеке.

Вернувшись на третий этаж и переместив сундук Котоне в спальню, Гермиона решила пойти на кухню позавтракать. По пути она обнаружила Полумну, хлопчущую над Роном, который все еще неподвижно лежал на диване в гостиной.

Полумна поняла, что не может выйти из дома из-за слоняющихся по улице авроров, которых они видели ранее. Она известила о ситуации своего отца, не особо посвящая его в детали. Он все понял и попросил ее не беспокоиться о нем, ведь, в конце концов, он сам заботился о себе все то время, пока она была в школе. Еще он упомянул о заметке в утреннем «Ежедневном пророке» о поимке Министерством более дюжины Темных Волшебников в захудалом районе маггловского Лондона. Судя по всему, лишь один из схваченных волшебников имел Темную Метку. Это свидетельствовало о том, что они либо были новобранцами, либо их намеренно оставили без опознавательных знаков.

Поговорив со своим отцом, Полумна целый день готовила и ухаживала за Роном; она подолгу извинялась перед ним и Гермионой за то, что заснула в то время, когда должна была приглядывать за Гарри и Котоне.

Гермиона провела остаток дня в библиотеке, изучая книги Котоне, время от времени останавливаясь, чтобы попробовать применить какой-нибудь из методов, перечисленных в книге; она хотела определить свою магическую «школу». Особое внимание она уделила второй книге, доставшейся Котоне от матери. Гермиона старалась найти заклинание, которое пыталась применить эта маленькая девочка, но, похоже, оно не входило в список стандартных заклинаний, которые использовали жрицы... Котоне, казалось, была убеждена, что заклинание обязательно помогло бы Гарри, если бы сработало.

По мере того, как Гермиона углублялась в различные упражнения, описанные в книге, она начала думать, что, скорее всего, является чародейкой, поскольку весьма преуспевала в наложении чар; но многие из «тестов» показали, что она вполне может быть и иллюзионисткой, ведь ее навыки в трансфигурации были столь же успешны. Было несколько школ, в которых она вообще не стала себя проверять — отступники, некроманты и прорицатели; Гермиона была убеждена, что эти области совершенно не подходят ни ей, ни кому-либо еще из тех, кого она знала.

Каждые несколько часов Гермиона выходила из библиотеки, чтобы провести Гарри и убедиться, что тот в безопасности; еще она проверяла, как себя чувствует Рон — ей хотелось убедиться, что ему удобно. Котоне проводила время либо сидя на полу рядом с кроватью Гарри и тупо глядя на него, либо исследуя незнакомый дом в поисках пищи; ее, похоже, совершенно не интересовала еда, приготовленная Полумной. Гермиона беспокоилась о маленькой ведьмочке, ведь она не произнесла ни единого слова с тех пор, как проснулась днем.

Во время одного из перерывов Гермиона прошла через гостиную, где Рон и Луна наслаждались сливочным пивом и играли в волшебные шахматы. Она наблюдала за этой захватывающей игрой несколько минут, пораженная тем, как Рон раз за разом рубит шахматы Полумны. После серии ходов, во время которых Рон выглядел так, как будто это ему совсем ничего не стоило, он приказал одному из своих коней двигаться, и тот атаковал одну из съездившихся пешек Полумны. Он вскинул руки над головой и торжествующе закричал:

— Шах и мат!

Полумна уставилась на доску, и у нее буквально отвисла челюсть. Через несколько секунд она вздохнула и сказала:

— Я правда не понимаю, как ты это делаешь, Рональд. Никто не мог обыграть меня уже много лет, а ты только что одержал пятую победу подряд.

При этих словах Полумны усмешка пропала с лица Рона, и он обеспокоенно спросил:

— Ты ведь не обижаешься на меня, правда?

— Нет, конечно, нет. Просто меня учил играть мой отец, когда я была маленькой — а он гроссмейстер, — покачала та головой и добавила: — Я еще могла бы поверить, что ты обыграл меня один или два раза, но пять раз? Подряд?

— Ну, я думаю, мне просто повезло, — мягко сказал Рон, заново выставляя на доске шахматные фигуры, — я имею в виду, я никогда не проигрывал, понимаешь...

Гермиона закатила глаза и сказала:

— Да ладно тебе, Рон, хватит преувеличивать! Ты точно должен был проиграть хотя бы одну игру! Я имею в виду, ты должен был научиться игре у кого-то, поэтому ты, наверняка проигрывал тому, кто тебя учил...

— Ну, конечно, я у кого-то учился! — защищаясь, парировал Рон. — Меня учил мой брат Чарли, когда мне было пять... И я говорю серьезно! Я ни разу в жизни не проигрывал, даже когда учился!

— погоди, погоди... — сказала Гермиона, потирая висок. — Ты начал играть в волшебные шахматы в пять лет?

Рон кивнул.

— А тебе сейчас семнадцать...

И снова Рон кивнул, но уже с несколько удивленным выражением лица.

— Так ты утверждаешь, что примерно за двенадцать лет игры в волшебные шахматы ни разу не проиграл ни одной партии?

Рон несколько мгновений подумал, прежде чем он снова медленно кивнул и с ухмылкой сказал:

— Я утверждаю именно это: я никогда не проигрывал.

Гермиона скептически посмотрела на Рона и спросила:

— Какую стратегию ты обычно используешь? На сколько ходов вперед ты планируешь игру?

Ухмылка Рона исчезла, он покачал головой и просто сказал:

— Я не знаю, как это объяснить... Я просто, м-м... знаю, как ходить, вот и все...

Она задумчиво нахмурилась, а затем повернулась к Полумне:

— Когда ты проигрывала в последний раз до сегодняшнего вечера?

Полумна на мгновение задумалась, а затем ответила:

— Думаю, мне было девять... Это и был последний раз, когда моему отцу удалось меня

обыграть; но в то время меня, должно быть, отвлекала жужжащая муха, вы же знаете, как они...

— Верно... — прервала ее Гермиона, а затем властно скомандовала: — Играйте заново, — она указала на шахматную доску и уселась на диван рядом с Роном.

Рон пожал плечами и посмотрел, как Полумна, игравшая белыми, сделала свой первый ход. Гермиона села рядом с Роном, изо всех сил стараясь отвлечь его, пока он играл; она задавала ему множество самых обычных вопросов, чтобы его взгляд и мысли оторвались от доски. Менее чем через тринадцать минут она увидела, как король Полумны удрученно сбросил свою корону у основания ладьи Рона. Это был мат.

Гермиона вскочила с дивана и, не сказав ни слова, выбежала из комнаты и понеслась вверх по лестнице. Через минуту она вернулась с книгой Котоне в руках и положила ее на столик рядом с шахматной доской. Затем она вытащила палочку и погасила в комнате все огни, за исключением единственной горящей свечи в тяжелом подсвечнике. Она поставила свечу на стол перед Роном, открыла книгу и начала быстро перелистывать страницы.

Пока Гермиона искала нужную страницу, Рон и Полумна обменялись любопытными взглядами, но промолчали. Гермиона прочитала несколько строк и посмотрела на Рона.

— Это будет звучать безумно, но я хочу тебя испытать.

Когда Рон кивнул, она продолжила:

— Я хочу, чтобы ты встал лицом к свече. Прикоснись кончиком своей палочки ко лбу, закрой глаза, максимально расслабься и скажи мне, что ты видишь.

Рон сразу же ответил:

— Черноту.

С раздраженным вздохом она сказала:

— Давай же, Рон! Я серьезно! Ты ведь должен видеть хоть немного света свечи сквозь веки, так?

Пожав плечами, Рон сказал:

— Ну да... Немного есть, наверное... Может быть, ты мне намекнешь, что я должен увидеть?

— Просто немного подожди, расслабься и сосредоточься, — сказала Гермиона уже спокойным голосом. — Просто держи глаза слегка приоткрытыми и скажи мне, если ты что-нибудь увидишь, например, туман, дым или, может быть, огни или узоры... Все, что ты сможешь описать.

— Я пытаюсь, но ничего не происходит!

— Нет, не пытайся... — прошептала Гермиона. — Просто позволь этому случиться. Не концентрируйся ни на чем... Просто расслабься и позволь этому случиться...

Рон помолчал несколько минут, а потом произнес:

— Я вижу пятна. Маленькие и круглые... Кружащиеся вокруг... Без всякой закономерности...

— Хорошо, — прошептала Гермиона, — они движутся быстро или медленно?

— Медленно... И все они одинакового размера...

— Хорошо, теперь выбери одно из пятен и сконцентрируйся на нем... Понаблюдай, движется ли оно по какой-то траектории или нет.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем Рон снова заговорил:

— Оно растет, становится больше, чем все остальные, как будто выталкивает их из... Вау...

Гермиона слегка нахмурилась, наклонилась к нему поближе и прошептала:

— Что случилось? Что ты видишь?

Голос Рона приобрел странные нотки, когда он сказал:

— Я вижу Котоне внутри этого пятна... Все очень расплывчато... Она плачет... Кровь...

Гермиона на мгновение нахмурилась, затем ее лицо стало спокойным и беспристрастным; она резко встала и с шумом захлопнула книгу, отчего Рон и Полумна вздрогнули.

— Ерунда... Это все ерунда... Все, что она делает, это плачет и истекает кровью! — язвительно произнесла Гермиона, размахивая по комнате палочкой, вновь зажигая огни. Затем она взяла книгу Котоне и направилась к двери, мрачно бормоча себе что-то под нос.

Прежде чем Гермиона добралась до двери, полоска черного меха мелькнула рядом с ее правой ногой, заставив ее испуганно взвизгнуть и отпрыгнуть от грызуна. На крысином хвосте повисла Котоне; ее растрепанные белые волосы рассыпались по плечам, а фиолетовые глаза сузились и были прикованы к испуганной добыче. Когда крыса пробежала под столом и исчезла под диваном, Рон и Полумна вскочили, опрокинули стол, и одна из бутылок сливочного пива упала и разбилась о деревянный пол.

Не в силах остановиться, Котоне заскользила по гладкому, покрытому лаком дереву и врезалась в диван, упав на пол в том месте, где разбилась бутылка. Маленькая девочка испустила болезненный крик, подняла окровавленную руку и прижала ее к груди.

Когда Полумна и Гермиона бросились на помощь маленькой ведьмочке, Рон встал и потрясенно посмотрел на Котоне. Он указал на ее рану и воскликнул:

— Вот! Это то, что я видел! Это похоже на дежавю или что-то в этом роде!

Гермиона застыла на месте. Она медленно положила книгу на стол и покачала головой, затем снова нахмурилась:

— Рон, какая у тебя была оценка по прорицанию на СОВ?

— Естественно, я его завалил... «Слабо» — и за практику, и за теорию, — ответил Рон, выглядя немного сбитым с толку, затем добавил в свою защиту: — Но, кстати, Гарри получил такую же оценку.

— Ну, может быть, если бы ты хотя бы попытался выполнить упражнение, которое тебе было задано, вместо того, чтобы ничего не делать и придумывать свои собственные ответы, ты бы наверняка получил оценку получше!

— О чем ты, Гермиона? — воскликнул Рон, начавший подозревать, что Гермиона пытается что-то от него скрыть. — Мы уже давно не изучаем этот предмет, да и вообще, чего это вдруг ты вспомнила об этом Прорицании? Ты же не хотела изучать этот предмет... И вообще, ты всегда относилась к нему скептически... Ты называла его «болтовней»!

Гермиона молчала, обрабатывая порез на руке Котоне, но по выражению ее лица можно было догадаться, что ее что-то очень сильно тревожит. К счастью, порез Котоне был не очень глубоким, поэтому ранка должна была быстро затянуться. Как только Гермиона закончила, она шумно вздохнула и села рядом с Роном. Она взяла в руки книгу и сказала:

— Этот тест, который я попросила тебя пройти, должен помочь определить, какой именно ты волшебник; это зависит от того, что именно ты видишь. Максимум, что видит большинство волшебников — это клубящийся дым без какого-либо видимого рисунка. А вот различные классы волшебников-специалистов будут видеть совершенно иные вещи. Когда я сама попробовала его пройти, я тоже сначала увидела дым, но потом в нем начали появляться

различные узоры. Хотя и нельзя утверждать наверняка, тест, похоже, указывает на то, что я ведьма-чародейка. Но мне, конечно, придется подробнее изучить классы магии и сделать еще несколько упражнений, чтобы быть уверенной на сто процентов.

— Значит, этот тест показал, что я какой-то пророк? — спросил Рон с легкими веселыми нотками в голосе. Он не мог представить себя одетым как Трелони, с кучей цепей, браслетов и бус, сидящим в залитой благовониями комнате и предсказывающим смерть всем и каждому.

— Вихревые пятна без заметного рисунка... На самом деле ты — прорицатель, и это не совсем то, что ты подумал. Это не значит, что ты какой-то безумный гадалщик; это, наоборот, означает, что ты наиболее настроен на «некоторые типы магии, которые имеют дело с определенными аспектами разума». Наверное, поэтому ты так хорошо играешь в шахматы — ты можешь подсознательно предвидеть результат игры еще до того, как начнешь...

Несмотря на недоверчивый взгляд Рона, Гермиона продолжила объяснять содержание книги и то, что она сейчас изучала. Она прочитала список различных «школ» волшебства, описываемый в книге; вкратце рассказала ему о различных типах магии. Пока Гермиона говорила, Полумна казалась необыкновенно сосредоточенной, а Рон наоборот — рассеянным.

Как и предполагала Гермиона, как только она добралась до различных «частот» магии — то, что она и сама понимала с большим трудом, — даже внимание Полумны рассеялось, и та предложила отложить испытание ее способностей на завтра.

Гермиона вышла из комнаты, оставив Полумну в гостиной присматривать за Роном, видя, что он все еще слаб, и не может двигаться долго. Она вернулась в комнату, в которой находился Гарри, и совсем не удивилась, обнаружив, что Котоне снова свернулась клубочком на полу рядом с его кроватью. Убедившись, что веревки надежно закреплены, она превратила свою одежду в пижаму и забралась на другую кровать, ни разу не взглянув в глаза Гарри. Она боялась того, что еще могла там увидеть.

Она пролежала в постели несколько долгих минут, а в ее голове все еще крутились события последних дней. Зная, что в ближайшее время она не сможет уснуть, Гермиона решила еще раз попробовать пройти испытание. Она села в удобное положение, очистила свой разум от мыслей и закрыла глаза, приставив кончик своей палочки ко лбу.

Через несколько минут она увидела темное клубящееся облако, кружившееся перед ее мысленным взором. Оно напоминало причудливо изогнутую слезу, вращающуюся вокруг невидимой оси, и преследовало четко очерченное темное пятно, вращавшееся вокруг той же оси, при этом их траектории никак не пересекались. В книге лишь один раз упоминалось вращающееся пятно, но в описании оно должно было сопровождаться цветным облаком, похожим на водоворот. То, что она видела, никак нельзя было описать как водоворот, и картинка не была цветной; Гермиона видела лишь темную слезу и темное пятно.

Она уже собиралась прекратить это испытание и попытаться немного поспать, но неожиданно услышала, как Котоне шаркает по полу. Мгновение спустя Котоне мягко произнесла глубоким

гортанным голосом:

— Открой глаза, Ваши-чан. И ты увидишь...

Сосредоточив свое внимание на центральной оси и прижав кончик палочки ко лбу, Гермиона открыла глаза. У нее вырвался изумленный вздох, когда она увидела весь образ, танцевавший у нее перед глазами. Она посмотрела на белый пустой потолок и тогда разглядела вторую часть картинки, обнаружив, что там не одна точка, а целых две. Одна черная и одна белая, каждая из которых находится в центре пары изогнутых в обратном направлении каплевидных узоров. Казалось, что они при вращении переплетались друг с другом...

Она узнала этот символ...

Инь и Ян...

Тьма и свет...

Добро и зло...

Отчаяние и надежда...

Жизнь и смерть.

Баланс... абсолютная гармония... «Идеальный судья, присяжный и палач. Он наблюдает за обеими сторонами, существует в них обеих, но не содействует ни одной, ни другой; он ни белый, ни черный, а серый. Баланс...»

Лицо Гермионы побледнело, когда она вспомнила, что уже видела этот символ в книге. Она вскочила с кровати и выбежала из комнаты. Прыжками преодолев лестницу, Гермиона ворвалась в гостиную, даже не заметив обнаженную до пояса Полумну и смущенного Рона, при виде ее отпрянувших друг от друга.

Слезы текли по щекам Гермионы, когда она резко открыла книгу, оставленную рядом с шахматной доской. После лихорадочного перелистывания страниц она нашла раздел, в котором перечислялись результаты этого конкретного, предположительно окончательного теста.

«Нет... Этого не может быть!»

Ее разум сжался, а дыхание остановилось. Ей казалось, что она тонет. Мир вокруг нее стерся, и осталась только книга — как будто она оказалась в ловушке какого-то сюрреалистического мира снов. Может быть, это просто кошмар? Она смутно слышала взволнованные вопросы

своих друзей, но не могла разобрать слов. Эти вопросы воспринимались лишь набором звуков, но не имели для нее никакого смысла.

«Нет...»

Было такое ощущение, что ее кто-то жестоко разыграл... Как она вообще могла оценить то, о чем говорилось в книге? Насколько она могла верить этой информации? Насколько точной была эта информация? Эта книга очень старая, старше всех книг, которые она когда-либо читала. Правильно ли домашние эльфы перевели эту страницу? Может, она что-то напутала в порядке проведения испытания? Или сделала ошибку при выполнении?

«Нет...»

Зачем она открыла глаза? Как Котоне узнала, что ей нужно открыть глаза, чтобы увидеть полный символ? Котоне! Именно она сказала, что ей нужно прочитать книгу. Чтобы все понять. Она уже знала? И как она узнала? Может, она тоже такая же? Нет, способности Котоне отличалась от ее способностей — это Гермиона поняла, когда Котоне пыталась помочь Гарри. Не поэтому ли она тогда поняла, что пыталась сделать маленькая ведьма? Не поэтому ли она знала, что это не сработает? И понимала, что именно может заставить сработать ритуал?

Гермиона пролистала страницы до следующего раздела, в котором были перечислены упражнения для магов разных типов. Прочитав часть страницы, она захлопнула книгу и прижалась лбом к ее корешку.

Сделав несколько глубоких вдохов, она подняла голову и вытерла пот с лица рукавом. Она, пошатываясь, встала, прошла в гостиную и подошла к тяжелой драпировке, прикрывавшей портрет миссис Блэк. Рон оперся на Полумну, и они оба медленно и осторожно последовали за Гермионой. В тот момент, когда та откинула завесу, портрет начал свою обычную тираду, крича непристойности и фанатичные оскорбления. Гермиона подняла палочку, направила ее на орущий портрет и произнесла тихим шепотом:

— Phasmatis Voco!

Эффект от заклинания был поразительным и немедленным. Женщина на портрете застыла на полуслове, ее лицо исказилось ненавистью, а коридор погрузился в суровую тишину. Полупрозрачное изображение миссис Блэк выскользнуло из портрета и повисло перед неподвижным произведением искусства. Это была сама «сущность» портрета, фотокопия души хозяйки картины. Рот призрачного существа шевелился, искривляясь в долгом, протяжном, но беззвучном крике агонии. Мгновение спустя парящее изображение рассеялось в облаке серого пара. Гермиона «убила» портрет.

Тишину в гостиной нарушил голос Рона:

— Гермиона! Это было великолепно! Как ты...

Рон замолчал на полуслове, когда Гермиона громко болезненно всхлипнула и побежала вверх по лестнице.

Она вбежала в спальню, рухнула на кровать и зарылась лицом в подушку; ее грудь тяжело вздымалась от боли. Она получила ответ на свой вопрос. То, что сейчас произошло с портретом, было неопровержимым доказательством, потому что даже Дамблдор не смог заставить эту картину замолчать. Как бы она ни хотела это отрицать, раскрылась ужасная правда.

Оказалось, что Гермионе уготовано было то, чего она даже и представить не могла...

Некромант.

Гермиона изо всех сил успокаивала себя, желая, чтобы ее рыдания как можно скорее утихли. Ей сейчас нужно было больше информации, больше времени, а больше всего ей — подтверждение того, что она действительно некромант. В Хогвартсе почти не учили искусству некромантии, считающемуся самой темной магией. Гермиона точно не хотела бы, чтобы другие узнали, что она некромант. Возможно, определение, данное в книге, и определение слова «некромант» в западном волшебном мире сильно различались. Она даже не заглянула в раздел книги о некромантах, полагая, что никто, с кем она когда-либо встретится, не может им быть...

Она должна будет изучить этот вопрос утром. Было уже далеко за полночь, и она чувствовала, что на сегодня вполне достаточно открытий из этой проклятой книги.

Гермиона закрыла глаза и прижалась лицом к подушке, но все еще видела слабый призрачный образ за веками... Медленно вращающийся Инь-Ян. Она обязательно уснет, но это будет еще очень не скоро.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818746>